

КАТЕГОРИЯ ВРЕМЕНИ В ПОЭМЕ НОННА «ДЕЯНИЯ ДИОНИСА»

Т.Г. Путилина

Новосибирский государственный
педагогический университет

sspy@mail.ru

В статье разбирается, как в системе образов и событий поэмы Нонна Панополитанского «Деяния Диониса» отражаются античные представления о времени. Бессмертные олимпийские боги пребывают в вечности, но вынуждены считаться с земным временем и порядком событий. Тем не менее время богов и время людей представлено разными богами: Хроносом и Айоном соответственно. Изначальные древние боги – Фанес, Хаос, Хронос – могут претендовать на полную независимость от времени смертных и находятся не в вечности, а в некотором «вневременье» и «надвременье». Тем самым выделяются три позиции по отношению ко времени: безвременье, полная независимость от времени древних богов; бессмертие и вечность, но вместе с тем причастность к земному времени богов олимпийского пантеона; полное подчинение законам земного времени – смертных. С Дионисом можно связать спиральную модель времени. Загрей–Дионис–Иовакх и едины и различны одновременно. Они как прошлое, настоящее и будущее. События их жизни повторяются, но не с абсолютной точностью. Изложенное соотносится с платонической интерпретацией времени, отмечается их существенное сходство.

Ключевые слова: время, вечность, Дионис, спиральная модель времени, платонизм.

DOI: 10.17212/2075-0862-2016-2.2-43-51

О поэме Нонна Панополитанского «Деяния Диониса» не так уж много написано как литературоведами, так и философами. Мнения о степени талантливости автора, количестве заимствований и, следовательно, значимости самого произведения разделились. Во вступительной статье к изданию 1997 года говорится: «Русская филология последних десятилетий шла по пути постепенного “признания” Нонна» [4, с. LIII]. Однако в любом случае то, что это произведение благодаря своей монументальности, широте охвата событий, множеству действующих лиц является ценным источником знаний об античных представлениях в самых различных

областях, вряд ли может быть оспорено. Мы же разберем, как в системе образов и событий поэмы отражено философское видение времени, присущее той эпохе.

Поэма о Дионисе – не просто художественное произведение, а поэтическое изложение основ мистического культа, причем довольно могущественного, так как он мог сопротивляться христианству. Известный российский филолог и переводчик античной литературы М.Е. Грабарь-Пассек отмечала: «Мистические культы всегда окутаны густым туманом символов и мифов. Культ Диониса существовал в эпоху Нонна уже более тысячи лет и в IV в. сохранил

еще настолько большую силу, что пытался выступить как главный соперник уже почти победившего христианства. Главные борники его – Максим и император Юлиан – старались связать древний культ с определенной системой религиозной философии и создать свою догматику греха и очищения в противовес христианской. Эти идеологические течения не могли оставаться вне поля зрения того, кто писал поэму о Дионисе» [2, с. 329]. Что же мы можем узнать об античной концепции времени, читая Нонна? Обратимся к произведению.

Действующие герои поэмы – это в основном олимпийские боги и люди. Первым принадлежит вечность, вторые существуют в движущемся времени. Но так ли уж не значимо для олимпийцев течение земного времени? Больше похоже на то, что боги, являясь бессмертными и пребывая в вечности, все-таки не полностью независимы от хода земных событий. Это можно подтвердить следующими примерами:

Зевс Кронид, чтоб сразиться, ждет света ясного Эос.

Ночь настала, и стража службу несет вкруг Олимпа... [4, с. 18].

Так Зевс ожидает утра, чтобы начать битву с Тифоном. Ведь Тифон на земле, и битва с ним должна происходить в земном времени. Ее конец также соизмеряется со временем земных периодов:

Кончилось зимнее время и битва закончилась. Пояс

Ориона яснеет, лезвием мечным сверкая,
Всходит созвездье на небо [Там же, с. 31].

Только однажды Зевс, томимый желанием к Семеле, заявляет о возможности нарушить ход земного времени, когда просит Гелия поскорее уйти с небосклона:

Гелий! Помилосердствуй, коль жала эротов изведал!

Что ж ты не подгоняешь бичом коней нерадивых?

Знаю я средство другое ускорить ночи явленье,

Если б желал, и тебя, и Эригенейю я б спрятал

В тучах, ты б скрылся, и Ночь густая днем воцарилась,

Ночь, споспешница страсти нетерпеливого Зевса! [Там же, с. 81].

Однако свою власть для воцарения днем Ночи Зевс все же не применяет. Вынашивая сына, он вынужден ждать положенного срока рожденья, несмотря на неудобство от раздувшегося бедра, Зевс не в силах ускорить процесс:

Зевс – Отец от Семелы пылавшего лона младенца,

Полурожденного Вакха, избежавшего молний,

Принял и поместил в бедро, и ждал окончанья

Бега месяцев лунных, положенных для рожденья [Там же, с. 94].

Таким образом, даже боги Олимпа вынуждены считаться с земным временем и порядком событий.

Есть и другие существа, которых не причислить ни к богам, ни к людям: сатиры, силены, паны, кентавры, наяды и прочие мифические существа, населяющие природу в поэме. О них не известно, смертны ли они:

Панов убейте тоже своим изострым железом,

Если же боги они, и нельзя убить их оружием

Неуязвимого Пана, да ведь и делать не должно

Этого, пусть сии паны лесные станут рабами,

Пусть в горах выпасают моих слонов одиноких! [Там же, с. 319].

Наличие этих странных существ, находящихся в свите Диониса, делает несколько размытой грань между богами и людьми, а также между вечностью и временем смертных. Ф. Ницше, рассуждая о дионисическом состоянии, большую роль отводил хору сатиров, считая их вечными символами победы радостной жизни: «Метафизическое утешение, с которым, как я уже намекал здесь, нас отпускает всякая истинная трагедия, то утешение, что жизнь в основе вещей, несмотря на всю смену явлений, несокрушимо могущественна и радостна, — это утешение с воплощенной ясностью является в хоре сатиров, в хоре природных существ, неистребимых, как бы скрыто живущих за каждой цивилизацией и, несмотря на всяческую смену поколений в истории народов, пребывающих неизменными» [3, с. 82]. Таким образом, земное здесь переходит в вечность, граница между миром богов и миром людей размывается. «Несчастье, коренящееся в сущности вещей, которого сознательный ариец не склонен отрицать путем кривотолков, противоречие, лежащее в самом сердце мира, открывается ему как взаимное проникновение двух различных миров, например божественного и человеческого...» [Там же, с. 92], — писал немецкий философ.

И все-таки эта граница в античном представлении существует. Особенно это четко прослеживается при анализе таких персонажей поэмы, как древние неолимпийские боги. Время богов и время людей представлено разными богами: Хроносом и Айоном соответственно. Оба этих бога упоми-

наются в поэме. Например, в песне V, когда Кадам и Гармония только получают свадебные подарки от богов, автор, сам находясь в позиции «вечности», перечисляет всех будущих потомков знаменитой пары, и затем замечает:

«Старец Хронос такие события свершит лишь в грядущем» [4, с. 110].

Кадам же в беседе с Электрой, описывая смертный удел в его круговороте рождений и смертей, упоминает Айона:

В слове сравню я ответном с листьями род человек:

Падают листья на землю под ветром бурным безумным,

Коли приходит время зимы, а весенней порою

Лес рождает другие, свежее да зеленее.

Недолговечней и смертней: только лишь жизнь человека

Обуздает погибель, тотчас другой расцветает,

Дабы после исчезнуть... Айону лишь вообразимо

Видеть и юность, и старость, текущие одновременно! [Там же, с. 90].

Бог Айон играет немаловажную роль в поэме. Достаточно вспомнить, что именно он просит Зевса о том, чтобы дать в утешение людям нечто подобное нектару богов, что и приводит верховное божество к мысли о необходимости рождения Диониса:

К Дия стопам припав, разметав серебристые кудри,

Ключник племен человек, Айон изменчиволикый,

Пряди космато-густые брады распустивши привольно,

Зевсу взмолился умильно: главу преклоняет он долу,

Гнет с мучением тяжким спину, вытянув выю.

Падают на колена, долгие пясти поды-
емлет,

Старец, пастырь извечной жизни, так
просит Зевеса:

«Зевс, владыка, на муки взгляни омра-
ченного мира!... [Там же, с. 76].

И Зевс решает в ответ на это обраще-
ние, что в мир должен явиться бог – изба-
витель людей от вечного горя:

Отче, пастырь годов неисчетных, бегу-
щих в тебе же,

О, не гневися! Ведь смертных род, столь
рано погибший,

Не прекратится, возрастет он, подобно
лику Селены!

Нектар оставь Блаженным, оплотом
утешным для смертных

Сладкое станет вино, подобное само-
течной

Нектара влаги струящей. В горести мир
пребывает

Этот, пока не рожу я единокровного
сына [Там же, с. 76].

Получается, что рождение Диониса –
требование самого времени, Айона. То есть
время, властвующее на земле, выступ-
ает как некая сила, к требованию которой
Зевс прислушивается.

Другие древние боги, также упомина-
емые в поэме, хоть и косвенно, тоже сви-
детельствуют о необходимости появления
такого божества, как Дионис, или способ-
ствуют этому. Вот описание пригото-
вления Эроса к зарождению страсти Зевса к
Семеле, связанное с Хаосом:

Эрос, мудрец неученый, пастырь стар-
ца Айона,

В темные двери стучит праначального
Хаоса громко,

После колчан вынимает дивный, кова-
ный богом,

В нем лишь одним храниться могли те
стрелы, что в Зевсе

Страсть пробуждали к женам земным,
огненосные стрелы,

Счетом двенадцать... [Там же, с. 77].

Ликом бога Фанеса, перворожденного
бога абсолютного знания, Гермес обманыв-
ает Геру, спасая Вакха от ее гнева:

Резвоплесничная Гера прынула бы-
строй стопою,

Неустанная, с неба – Гермес ее опере-
жает!

Фанеса принял он облик, перворожден-
ного бога...

Из уваженья к древнейшим богам свой
шаг замедляет

Гера, сияньем лучистым обманута мни-
мого лика,

Образ лживый не мысля в искусном яв-
леньи увидеть [Там же, с. 97].

Изначальные древние боги – Фанес,
Хаос, Хронос – могут претендовать на пол-
ную независимость от времени смертных и
находится не в вечности, а в некоем «вне-
время» или «надвремя». То, что боги
Олимпа и древние по-разному относятся к
этому миру и ко времени, можно доказать
тем, что они в разной степени знают буду-
щее. Зевсу пришлось глубоко задуматься,
чтобы провидеть приход Диониса в мир:

Так изрекал сей старец. В безмолвии
долгом раздумий

Зевс премудрый разум свой изощрял в
размышленьях,

Мыслей узду отрешивши. И по веле-
нию благому

Мысли рядами теснились в его голове
многоумной [Там же, с. 76].

А вот Фанес и так знает все, что было
предсказано когда-либо в мире:

Так молила. Надежду на щедрообильные сборы

Дал ей Гелий, перстом же прямым указывает он деве

Прямо на стену, на бег годов и часов круговратный,

Изображенный на досках двойных Гармониш, где видны

Все пророчества в мире, когда бы ни явлены были

Фанеса дланию, бога древлерожденной вселенной... [Там же, с. 124].

Еще один древний – Астрей – рассказывает Деметре судьбу Персефоны и ее собственное предназначение. Это значит, что сама богиня не может видеть будущее и нуждается в пророчестве:

Не отказал ей старец Астрей в мольбах: и рожденья

День рассчитал он дочки и точно сроки зачатья,

Неумолимое время и миг часов неустанный

Появления в мир и, пальцы искусно раскинув,

Вычислил круговращения и время возврата созвездий,

Вычислил, пясти содвинув двойным движеньем ладоней [Там же, с. 67].

Таким образом, мы можем выделить три позиции по отношению ко времени: безвременье, полная независимость от времени у древних богов; бессмертие и вечность, но вместе с тем причастность к земному времени у богов олимпийского пантеона; полное подчинение законам земного времени людей у смертных. Также можно говорить о некоей размытости границ между вечностью и временем людей, которую также подтверждает автор-

рассказчик, который то свободно уходит далеко в будущее или в прошлое, то возвращается к упорядоченному ходу событий.

Еще хотелось бы обратить внимание, что в процитированных выше отрывках уже дважды упомянута «круговратность» или «круговращение» времени. Понятно, что речь идет о соизмерении времени с периодическим появлением созвездий. Но это и само время как «движение по кругу». Подобное движение может быть интерпретировано или как повторяющийся полностью цикл, или как спираль. Чтобы уточнить это, обратимся ближе к образу главного героя поэмы – Диониса.

Начнем с того, что поэма начинается с «полурождения» Диониса:

Из молнии влажного вынул

Зевс недоноска-младенца от девы еще не родившей,

Бережной дланию разрезал бедро и туда-то, в ложницу

Мужескую упокоил, отец и владычная мать! [Там же, с. 3].

Мы можем предположить, что это было необходимо, так как поэма о Дионисе должна представлять «время Диониса», даже если события поэмы начинаются задолго до этого – со странствий его деда, героя Кадма.

Далее идет перечисление обликов, которые мог бы принять Протей, и связанных с ними сюжетов о Дионисе. Многоликость, присущая Протею, затем отражается в аналогичной способности Загрея и Диониса. У Загрея к тому же изменчивость обличий отсылает его, еще младенца, к «безвременью», ведь он предстает в виде существ любого возраста:

То он Кронид хитроумный, юный, с грозным эгидом,

То он немощный старец Крон, изливающий ливень,

То он с ликом младенца является, то он
предстанет

Юношей испуганным с первым пуш-
ком на ланитах,

То вдруг львом обернется, в ярости
грозы и страшным... [4, с. 70].

Дионис тоже меняет облик, чтобы
укрыться от Геры и в битве с Дериадеем. Но
все-таки они – не одно и то же.

До Диониса существовал бог Загрей,
которого разорвали титаны в младенчестве
и о котором сожалел Зевс. Это – прошлое,
Дионис, бывший в прошлом. Это – пер-
вая ипостась того же бога. Но все-таки Ди-
онис – другой. Как и третий младенец, сын
Диониса – Иовакх, но о нем мы знаем толь-
ко то, что он появился и был, в отличие от
своего менее сильного и удачливого брата,
спасен от разъяренной матери.

О своей несхожести с Загреем Дионис в
поэме утверждает определенно:

Дал ты зарницу Загрею, предшествен-
нику-Дионису,

Гукающему младенцу – всежигают-
щий пламень,

Громы небесных перунов, горных дож-
дей водопады,

Стал он, этот ребенок, вторым ливне-
носным Зевесом!

Вовсе я не желаю присваивать пламень
эфирный... [Там же, с. 108].

Этот отрывок демонстрирует также
то, что Дионису присуще необычное для
олимпийского бога нежелание получить
оружие отца и верховную власть.

Таким образом, Загрей–Дионис–Ио-
вакх и едины, и различны одновременно.
Они как прошлое, настоящее и будущее.
О Загрее нам известно, что он был и умер,
об Иовакхе – только то, что он родился и

будет жить. По-настоящему действует в по-
эме лишь Дионис, представляющий насто-
ящее время, но всех трех богов славят как
некое единство:

Вкруг Иовакха, венками плющевыми
венчаясь,

Светоч аттический в пляске высоко
вздымая полночной

Бога сего почитая вслед отпрыску Пер-
сефонейи

И Семелы потомку. Таинства учредили
Древнему пра-Дионису и позднему
богу Лиэю,

Гимнами почитая третьего Иовакха!

Празднество это тройное все справля-
ют Афины,

В позднем шествии с пляской граждане
радостно славят

Бромия и Загрея, и Иовакха совместно!
[Там же, с. 491–492].

Выше мы уже упоминали о том, что об-
раз бога Диониса занимает важное место в
философской концепции Ницше. М. Хай-
деггер в своем труде, посвященном Ницше,
проводит мысль о том, что Ницше в своих
размышлениях также связывал бытие с те-
орией вечного возвращения: «...свое исто-
кование бытия сущего как воли к власти
Ницше мыслит в сущностном единстве с
тем определением бытия, которое восходит
под именем “вечного возвращения того же
самого” [7, т. 2, с. 8]. Истоки этой концеп-
ции Ницше, как отметил Хайдеггер, брал из
платоновской метафизики. «Ницше никог-
да (если не принимать во внимание его со-
ображения о сущности трагедии) не ощу-
щал свой внутренней отнесенности к мета-
физике Аристотеля, потому как никогда не
утрачивал своей связи с Платоном» [Там же,
т. 2, с. 200]. Основанием созидания Ниц-
ше, по мнению Хайдеггера, считал волю к

власти, также связывая это качество с Дионисом. «Отвергая всякое в себе сущее и утверждая волю к власти как источник и меру созидания, нигилизм мог бы “быть божественным способом мышления” (“Der Wille zur Macht”, п. 15) в смысле божественности бога Диониса» [Там же, т. 2, с. 247]. С этим утверждением частично совпадают и наши выводы, так как в поэме Дионис, сам являясь циклом тройственного божества, несколько раз «выпадает» из жизни, символически «умирает» и снова возвращается к своим адептам обновленным. Что касается воли к власти как источника созидания в дионисическом мире, то это спорный вопрос, так как в поэме Дионис показан как бог, не желающий верховной власти, но тем не менее постоянно расширяющий область влияния. Следовательно, мы поддерживаем теорию вечного возвращения, но с условием возможности изменений от цикла к циклу.

События тоже повторяются в поэме не с абсолютной точностью. Например: спасение Диониса-младенца, смерть Загрия, отсылка к спасению Зевса-младенца, смерть одного из сыновей Диониса и спасение Ювакха. Таковы и несколько символических «смертей» Диониса, за которыми следует возрождение: плач по Амтелосу – открытие вина, бегство от Ликурга – появление из воды после гостеприимства кормилицы Ино, безумие – исцеление с помощью молока Геры. Следовательно, согласно событиям поэмы, говорить можно скорее о спиральной модели времени, чем о замкнутом круге с циклами точных повторений.

Кстати, с этой позиции понятнее становится то, что же прославляет автор поэмы, рассказывая о Дионисе. Ведь, как правильно заметила во вступительной статье к изданию поэмы Нонна исследовательница античной литературы А.В. Захарова,

«в самом деле, Дионис ни в малой степени не является традиционным, “гомеровским” эпическим героем. Храбрость Ахилла, стойкость Аякса, умудренность Нестора, терпение и находчивость Одиссея – все это не его достоинства...» [4, с. II].

Возникает резонный вопрос: Что же тогда на самом деле есть в образе Диониса, чем можно восхищаться? А.В. Захарова писала, что это его природа. Но что именно в нем особенного? Если обратиться к тексту, то можно заметить, что знаки отличия Диониса и его сторонников указывают на магическую принадлежность к вечности, бесконечному:

Двойное сплетенье змеиных

Тел образует прояс кольчатый Диониса. [Там же, с. 96].

Шкурой пятнистой оленя кутал грудь он и плечи,

Шкурой, подобной небу, усыпанному звездами [Там же, с. 98].

Вакх, вселяющий тирсом безумье, вступает в сражение

С новым пылом. Вакханки, неистовством обуяны,

Снова на брань со смутлым индом бросаются пылко

За тобой, о лидийский бог! Вкруг кудрей вакханок

Сам собою пылает возгоревшийся пламень! [Там же, с. 287].

То есть, обладая символикой вечности, Дионис не просто приносит утешение и радость, но является воплощением вечной, всегда возрождающейся и возвращающейся радости.

Теперь сравним наши выводы с тем, что пишут исследователи об античной модели времени. Например, П.П. Гайденко – о концепции Платона: «Платон впервые в истории философской мысли попытался

дать метафизическое обоснование понятия времени, сопоставив его с вневременной вечностью. Время, таким образом, представало как подобие вечности в эмпирическом мире становления и, стало быть, как нечто не только отличное от вечности, но и причастное ей» [1, с. 25]. Этот вывод вполне соответствует нашему замечанию о взаимопроникновении «времени смертных» и «вечности богов».

Б. Рассел делает акцент на различии вечного и сотворенного. Он отметил: «Мы не должны говорить о вечной сущности, что она была и будет, правильно сказать лишь, что она есть. Подразумевается, что о «подвижном образе вечности» правильно сказать, что он был или будет» [6, с. 189]. Но из поэмы Нонна и вообще из мифологии мы знаем, что, например, боги Олимпийского пантеона были не всегда. То есть они бессмертные, но не вечные? Или их можно назвать относительно вечными? Б. Рассел пишет о богах: «Боги – это главным образом огонь; неподвижные звезды – это божественные и вечные животные. Создатель сказал богам, что он мог бы уничтожить их, но не сделал этого» [Там же, с. 189]. Это значит, что так называемые «боги» хоть и вечны, но не сравнимы с «создателем» по значимости и, следовательно, по-иному относятся как к «образцу», так и к «творению», что подтверждает наш вывод.

Теперь обратимся непосредственно к Платону. В диалоге «Тимей» есть следующие строки: «для всякого очевидно, что первообраз был вечным: ведь космос – прекраснейшая из возникших вещей, а его демиург – наилучшая из причин. Возникши таким, космос был создан по тождественному и неизменному образцу, постижимому с помощью рассудка и разума» [5, с. 433]. Теперь мы имеем уже три позиции: демиург – об-

разец – творение. По поводу возникновения времени: «Поскольку же образец являет собой вечно живое существо, он положил в меру возможного и здесь добиться сходства, но дело обстояло так, что природа того живого существа вечна, а этого нельзя полностью передать ничему рожденному. Поэтому он замыслил сотворить некое движущееся подобие вечности...» [Там же, с. 439].

По нашему мнению, внимание следует обратить на слово «движущееся». То есть вечность, в отличие от времени, неподвижна. Скорее всего, она и не может быть «движущейся», так как представляет собой единый момент, содержащий все сразу. Это – способ пребывания богов. Но высшие существа, такие как платоновский «демиург» (создатель) или древние боги у Нонна, вообще не причастны ни к вечности, ни к времени смертных – они выше и того и другого.

Итак, мы в нашем анализе определяем три возможных отношения ко времени: безвременье, вечность, движущееся время смертных. Границы между ними, однако, могут быть нечеткими. Дионис же представляет собой вечность в ее человеческом понимании: как постоянное возрождение и неистребимое торжество радости жизни. Также мы считаем, что наиболее адекватно отражает ход развития поэмы спиральная модель времени. Возвращение есть, но не того же самого, так как сходство событий и сами циклы главного героя не перекрывают их различий.

Литература

1. Гайденок П.П. Время, длительность, вечность. – М.: Прогресс-Традиция, 2007. – 462 с.
2. История греческой литературы. В 3 т. Т. 3 / под ред. С.И. Соболевского и др. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1960. – 440 с.

3. Ницше Ф. Рождение трагедии из духа музыки // Ницше Ф. Сочинения: в 2 т. – М.: Мысль, 1990. – Т. 1. – С. 57–157.

4. Нонн Панополитанский. Деяния Диониса. – СПб.: Алетейя, 1997. – 540 с.

5. Платон. Тимей // Платон. Собрание сочинений: в 4 т. – М.: Мысль, 1994. – Т. 3. – С. 421–500.

6. Рассел Б. История западной философии: пер. с англ. – М.: Академический проект, 2009. – 1004 с.

7. Хайдеггер М. Ницше. В 2 т. Т. 2.: пер. с нем. – СПб.: Владимир Даль, 2007. – 458 с.

CATEGORY OF TIME IN THE POEM “DIONYSIACA” BY NONNUS OF PANOPOLIS

T.G. Putilina

Novosibirsk State Pedagogical
University

spsy@mail.ru

The paper analyses how the set of images and events in the poem “Dionysiaca” by Nonnus of Panopolis reflects the ancient notion of time. The immortal gods of Olympus abide in eternity; however they have to reckon with the earth time and the order of things. Nevertheless, the time of the gods and the time of human beings are represented by different gods: Chronos and Aion, respectively. The original ancient gods, Phanes, Chaos, Chronos, can claim to be fully independent of the time of the mortal, and they abide in a sort of “timelessness” rather than eternity. Thus, there are three positions in relation to time: timelessness – complete independence from time of ancient gods, immortality, and eternity. At the same time, there is Olympic gods’ involvement in the earth time and complete subordination to the laws of the earth time on the part of the mortal. Dionysus is characterized by a spiral pattern of time. Zagreus, Dionysus, Iovakh are both a single whole and different. They are the past, the present and the future. Events in their lives are repeated, but not precisely. The above corresponds to the Platonic interpretation of time, and substantial similarity can be noticed.

Keywords: time, eternity, Dionysus, spiral pattern of time, Platonism.

DOI: 10.17212/2075-0862-2016-2.2-43-51

References

1. Gaidenko P.P. *Vremya, dlitel'nost', vechnost'* [Time, duration, eternity]. Moscow, Progress-Tradition Publ., 2007. 462 p.

2. Sobolevskii S.L., ed. *Istoriya grecheskoi literatury*. V 3 t. T. 3 [History of the Greek literature. In 3 vol. Vol. 3]. Moscow, Academy of Sciences of the USSR Publ., 1960. 440 p.

3. Nietzsche F. *Rozhdenie tragedii iz duha muzyki* [The birth of tragedy from the spirit of music]. Nietzsche F. *Sochineniya*. V 2 t. T. 1 [Compositions. In 2 vol. Vol. 1]. Moscow, Mysl' Publ., 1990, pp. 57–157. (In Russian)

4. Nonn Panopolitanskii. *Dejaniya Dionisa* [Dionysiaca]. Translation from the Ancient Greek. St. Petersburg, Aleteiya Publ., 1997. 540 p.

5. Platon. *Timei* [Timey]. Platon *Sobranie sochinenii*. V 4 t. T. 3 [Complete Works. In 4 vol. Vol. 3]. Translation from the Ancient Greek. Moscow, Mysl' Publ., 1994, pp. 421–500.

6. Russell B. *Istoriya zapadnoi filosofii* [History of the western philosophy]. Translated from English. Moscow, Akademicheskii proekt Publ., 2009. 1004 p. (In Russian)

7. Heidegger M. *Nietzsche*. Stuttgart, J.G. Cotta'sche Buchhandlung, 1961 (Russ. ed.: Khaidegger M. *Nitsche*. V 2 t. T. 2. Translated from German. St. Petersburg, Vladimir Dal' Publ., 2007. 458 p.).